

The theoretical basis of teaching foreign interpersonal communication in the University are given in this article. There are notions of the culture of foreign interpersonal communication, the development of which is an integral part of the forming of foreign communicative competence in the University.

УДК 94(470) «1941/1945»

Федюнин В.В.

1941 ГОД: ПРЕДВОЕННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА, НАРКОМАТА ОБОРОНЫ И ГЕНШТАБА ПО УКРЕПЛЕНИЮ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ РККА

Согласно опубликованным документам первый сигнал о подписанном 18 декабря 1940 года А. Гитлером плане «Барбаросса» поступил в Москву 29 декабря 1940 года от агента советской военной разведки И. Штёбе [3, док. № 219], но т.к. в органах военной разведки и НКГБ работали, в основном, над получением политической информации, то позднее в разведанных была упущена качественная оценка германского «блицкрига», главной задачей которого был не захват территорий, а полное уничтожение боевой мощи противника [44, с. 175–176 и 182].

Была упущена и уникальная возможность в своевременной оценке возможностей «блицкрига» и поиска контрмер, когда в их руки попал разоблаченный ранее польской контрразведкой крупный агент Абвера – А.С. Нелидов, давший согласие на сотрудничество. Участвуя в работе германского Генштаба по планированию военных операций против СССР, он смог по памяти восстановить многие детали этих операций и изложить их в письменном виде, но его информация, особенно о том, что на одной из последних военных игр предполагалось захватить Минск уже на пятый день после начала нападения, встретила откровенную иронию у его кураторов [45, с. 21–27], из-за чего эта важнейшая для оценки сильных сторон германского «блицкрига» информация при них и осталась.

На состоявшемся в начале 1941 г. совещании руководства Разведуправления РККА и оперативного управления Генштаба обсуждалась угроза для СССР войны на два фронта против гитлеровской Германии и милитаристской Японии. По ходу совещания после доклада генерала Ф.И. Голикова о данных разведки заместитель начальника оперативного управления Генштаба генерал-майор А.М. Василевский внёс на утверждение следующее решение: ограничиться активной обороной на Дальнем Востоке и развернуть на западном направлении главные силы и средства, которые готовы были бы не только отразить нападение Германии на СССР, но и разгромить противника в случае его вторжения на советскую территорию. Советская группировка войск на Западе, отразив нападение, должна была нанести поражение Германии и её западным союзникам, обеспечить прорыв их фронта в южном направлении непрерывными авиаударами и сорвать работу румынских нефтепромыслов [43, с. 157–158].

Понятно, что основные силы РККА – 176 дивизий, 15 танковых бригад, 159 полков авиации – сосредоточивались на Западе. На северных, южных и восточных границах СССР оставались 51 дивизия, 16 бригад различного назначения и 69 полков авиации [2, с. 51–55].

Советское правительство, вовремя получив от советской разведки информацию о готовящемся нападении Германии, попыталось оттянуть становившейся неизбежной войну, решив тайно поддержать заговор среди югославских высших офицеров против прогерманского правительства в Белграде в марте 1941 г. (британские спецслужбы тоже участвовали в этой операции) [27, с. 152–156].

27 марта в Белграде произошёл антигерманский государственный переворот, а 30 марта новый премьер-министр генерал Д. Симович попросил у советского правительства дипломатической и военной помощи. Предупредив об этом германское правительство во избежание дипломатических претензий, 5 апреля СССР подписал договор о дружбе и ненападении между СССР и Югославией [34, док. №№ 1, 4, 6, 10, 11, 13, 21, 22, 24 и 26], надеясь затян timer гермоитальянскую военную операцию в Греции, но Германия уже 6 апреля [46, с. 141] вторглась в Югославию и к 17 апреля разгромила её во-

оружённые силы [там же, с. 145].

По мнению Разведуправления РККА даже к 1 июня 1941 г. группировка немецких войск не выглядела однозначно нацеленной на СССР – от 122 до 126 немецких дивизий на западе и от 120 до 122 немецких дивизий на востоке Европы, отмечая при этом усиление немецких войск в Румынии [15, док. № 7.82].

Дело в том, что германское Главное командование сухопутных войск (ОКХ) пятый эшелон (31 дивизия и 2 мотобригады) перебрасывало на Восток с 6 по 18 июня, а шестой эшелон (резерв ОКХ) в составе 28 дивизий и 1 бригады начал перебрасываться 19 июня и после начала войны [18, с. 142], т.е. германскому руководству удавалось успешно проводить дезинформационную кампанию [16, с. 348].

13 июня советское правительство обратилось к Германии сообщением через ТАСС [1], но ответа не последовало, и руководство страны попыталось привести РККА в состояние готовности к первой операции (начало войны), но было поздно [12, с. 57].

Советские пограничники и контрразведчики с 18 июня (только 16 июня 1941 г. А. Гитлер окончательно назначил 22 июня 1941 г. – датой нападения на СССР [32, с. II]) стали докладывать о том, что захваченные в плен при попытке перейти госграницу немецкие диверсанты на допросах сообщали о 22 июня 1941 г., как о дате нападения Германии на СССР [33, с. 34].

Очень важным оказалось сообщение В. Лемана (советского агента в гестапо) сотруднику разведки НКГБ Б.Н. Журавлёву вечером 19 июня 1941 г. о том, что 22 июня 1941 г. в три часа утра Германия нападёт на СССР, и которое было срочно отправлено в Москву в восемь вечера того же дня по линии дипломатического представительства [19, с. 270].

На основании подобных сообщений советской разведки, а также пограничников и контрразведчиков, вечером 21 июня 1941 г. появилась директива № 1 (о приведении войск в полную боевую готовность из-за возможного нападения Германии на СССР), отправленная в ночь на 22 июня 1941 г. в штабы приграничных военных округов, а также было принято очень важное решение экстренно собранным [42, с. 38–39] Политбюро ЦК ВКП(б) о создании в Брянске штаба армий второй линии под командованием маршала С.М. Будённого [3, док. № 596].

Увеличение численности советских вооружённых сил к 1 июня 1941 г. до свыше 5 млн. чел., потребовало мероприятий по совершенствованию структуры органов военного управления, выразившиеся в реорганизации центрального аппарата, создании окружных и армейских управлений. К началу войны НКО включал Генштаб и 20 управлений (из них 7 главных), но положение об управлении войсками в военное время так и осталось в стадии проекта [2, с. 24–25].

12 февраля [3, док. № 273] 1941 г. после тщательного рассмотрения советским правительством был утверждён представленный Генштабом новый мобплан (МП-41) [там же, док. № 272]. Разработку документов по мобплану предписывалось начать немедленно, с расчётом окончания всех работ как в центре, так и на местах к 1 июля 1941 г. Календарный план работ был утверждён начальником Генштаба 19 февраля 1941 г., а указания о порядке разработки и обеспечения плана были отданы округам в начале марта [там же, док. № 273].

По утверждённому мобплану МП-41 намечалось развернуть 198 стрелковых, 60 танковых, 30 моторизованных и 10 кавалерийских дивизий, 343 авиаполка, 94 корпусных артполка, 72 артполка РГК и т.д. [там же, док. № 273].

По плану МП-41 172 дивизии имели сроки полной готовности на 2-4-е сутки мобилизации, 60 дивизий – на 4-5-е сутки, а остальные – на 6-10-е сутки. Все оставшиеся боевые части, фронтовые тылы и военно-учебные заведения отобилизовывались на 8-15-е сутки. Полное отобилизование войск РККА предусматривалось на 15-30-е сутки [2, с. 78–80].

Одним из просчётов было то, что накануне войны тылом управляли общевойсковые штабы. Несмотря на то, что по опыту оперативно-стратегических игр на картах с высшим комсоставом РККА в январе 1941 г., когда стало ясно, что у командующего фронтом и начальника штаба нет времени заниматься вопросами тыла, была лишь высказана рекомендация – ввести должность начальника тыла фронта [24, с. 59].

При обороне западных границ СССР большие надежды возлагались на укрепленные районы (УР). К инженерным работам по их строительству было привлечено 84 стройбата, 25 отдельных строительных рот, 17 автобатов, 160 инженерных и сапёрных батальонов, 41 батальон из внутренних округов, а с весны 1941 г. и около 18 тыс. вольнонаёмных строителей. Весной 1941 г. ежедневно работало более 130 тыс. человек. К этим работам привлекались и стрелковые войска [7, с. 34].

Создавая УРы, советское военно-политическое руководство складывало недостатки системного характера в обеспечение их обороны. Будущие командиры гарнизонов УРов, проходя подготовку в общевойсковых военно-учебных заведениях, тактику ведения наземно-подземного боя в ДОТах, ДЗОТах линий укреплений глубоко не изучали, из-за чего приходилось уже в ходе службы овладевать искусством боя за УРы [10, с. 98].

Советское правительство в 1941 г. переоценило возможности экономики страны, что не позволило к началу войны перевооружить РККА в соответствии с планами [2, с. 25–26], даже несмотря на установление в советской оборонной промышленности директивных цен на военную продукцию и увеличения в 1941 г. в полтора раза контингента военных представителей НКО на предприятиях оборонной промышленности и т.д. [41, с. 132; 8, с. 190].

Генштаб, получив разрешение советского правительства, с февраля 1941 г. спланировал и попытался осуществить комплекс мероприятий, преследовавших цель подготовить РККА к успешному решению задач предстоящей войны [2, с. 80].

Начавшаяся в феврале-марте 1941 г. реорганизация и организационное укрепление РККА потребовали величайшего напряжения и колоссальной работы штабов и войск. Укомплектование всех частей личным составом предусматривалось завершить к 15 мая, а полная готовность частей и соединений определялась к 1 июля. Одновременно переводились на новые штаты все танковые войска, воздушно-десантные бригады, инженерные части, а с апреля – стрелковые дивизии (СД). В соответствии с оперативными планами осуществлялись их перегруппировка и передислокация, но развёртывание новых соединений и доукомплектование проводилось с большими просчётами и ошибками, т.к. осуществлялись на базе боеспособных и слаженных соединений, которые развёртывались в более крупные, но не доведённые до штатной численности формирования (как в случае с танковыми (механизированными) бригадами и механизированными дивизиями, на базе которых формировались мехкорпуса (МК), что снизило их боеспособность) [там же, с. 80–81].

С разрешения советского правительства в начале мая 1941 г. в ЗапОВО ближе к границе были переброшены некоторые дивизии (75-я СД 4-й армии, 85-я СД 3-й армии и т.д. [11, 31]. Вполне возможно, что информация советской разведки о возможном нападении Германии на СССР в срок с 15 по 25 мая 1941 г. (15 мая 1941 года по плану «Барбаросса» должны были быть закончены все приготовления Германии к нападению на СССР. – В.Ф.), была принята советским военно-политическим руководством к сведению, и сразу после Первомайского праздника части прикрытия выделили на наиболее угрожаемые направления свои подразделения [35, с. 16–17].

НКО и Генштаб с согласия советского правительства начали проводить скрытное отобилизование военнообязанных запаса под прикрытием «больших учебных сборов». Все эти действия являлись обратимыми, т.е. мобилизованные запасники могли быть возвраще-

ны обратно. Ставилась задача усилить войсковые части и соединения в 14 военных округах. Всего на «учебные сборы» до объявления войны было призвано свыше 802 тыс. чел., что составляло 24% приписного личного состава по мобплану МП-41 [14, с. 324].

Эти мероприятия позволили усилить половину всех СД (99 из 198), предназначенных в основном для действий на Западе. При этом состав СД приграничных округов при штатной численности 14.483 чел. был доведён: 21 СД – до 14 тыс. человек, 72 СД – до 12 тыс. чел. и 6 СД – до 11 тыс. чел. Одновременно пополнились части и соединения других родов войск и видов РККА. Вместе с тем работа по повышению мобилизационной готовности приграничных округов не носила последовательного характера [там же, с. 324].

В соответствии с рекомендациями Генштаба было принято весьма важное решение на выдвижение войск второго стратегического эшелона армий РККА. Эти действия явились началом стратегического выдвижения и развёртывания группировок войск на театре военных действий [там же, с. 324].

На способность НКО решать задачи обороны страны в первые дни войны влияло не только качество планов армейского руководства, но и вовремя отданный приказ от политического руководства. В первой половине XX-го века время от приказа политического руководства привести войска в полную боеготовность до самой этой боеготовности исчислялось несколькими днями, затем пошла бы гонка перевозок и маршей, в результате которой и определилось бы соотношение сил выстроившихся у госграниц противоборствующих армий и тем самым результат приграничных сражений [23, с. 90], но немцы уже вовсю применяли маневренную войну («блицкриг»), и подобные мероприятия «позиционной» войны времён Первой мировой ими уже успешно преодолевались.

15 мая Генштаб дал директиву, запрещающую какое-либо перемещение в пределах западных военных округов, во избежание срыва плановой боевой подготовки частей и их мобготовности (в соответствии с ней штабы округов выслали аналогичные директивы в войска) [49, с. 172].

Всего из внутренних округов в соответствии с планом стратегического развёртывания началось выдвижение 28 дивизий, 9 управлений корпусов и 4 армейских управлений. В это же время войска 20-й, 24-й и 28-й армий готовились к передислокации. Генштаб был вынужден осуществлять выдвижение войск в районы оперативного предназначения дивизий из внутренних военных округов без укомплектования их положенным по штату транспортом, без войсковых запасов горючего, продовольствия и боеприпасов [2, с. 84].

По приказу Генштаба оставленные в пунктах постоянной дислокации мобилизационные ячейки к 5 июня 1941 г. должны были составить план приёма лошадей, обоза и мехтранспорта и предъявить заявки на их перевозку в новые районы, но решение вопроса усложнялось также и тем, что изъятие весной 1941 года транспорта из народного хозяйства ставило под угрозу проведение посевной кампании [там же, с. 85].

В целях сокращения сроков приведения войск в боеготовность командующими ряда округов было решено: в стрелковой, артиллерийской и кавалерийской частях необходимый запас винтовочных патронов хранить в спецажбах под охраной суточного наряда и т.д. [49, с. 171–172], а в механизированных и танковых частях на каждую боевую машину в складах иметь: 1/4 боекомплекта патронов, набитых в магазинах; 1/4 снарядов в окончательно снаряжённом виде в опечатанных ящиках; 3/4 боекомплекта всех видов боеприпасов в опечатанных ящиках, готовых к выдаче подразделениям и погрузке на транспорт; запас горючего для всех типов машин в количестве 2 заправок (одна заправка в машинах, одна в цистернах или бочках) и т.д. [там же, с. 172].

Чтобы решить проблему нехватки командных, политических, административных и инженерно-технических кадров, были срочно созданы новые военные академии, училища, школы, курсы, военные факультеты при гражданских вузах. К началу войны число высших военно-учебных заведений по сравнению с 1937 г. увеличилось в 2,5 раза, сухопутных училищ и школ – почти в 3 раза. Но, несмотря на эти срочные меры, остро не хватало командиров (офицеров), особенно командиров взводов спецподразделений, и их вынуждены

были временно замещать сержанты. До начала войны РККА так и не удалось укомплектовать командными кадрами: в сухопутных войсках – незаполненными оставались 16% должностей, в ВВС не хватало более 32% лётно-технического состава [7, с. 21–22].

Что касается состояния подготовки войск и штабов, то итоги локальных войн и конфликтов с участием советских войск вскрыли ряд серьёзнейших недостатков во всей системе подготовки РККА. Был выявлен главный недостаток в подготовке войск – отрыв теории и практики от требований современной войны. В боевой подготовке войск допускались упрощенчество и условности [39, с. 9]. Войсковые командиры и штабы приобрели только начальные навыки в управлении войсками. В звене полк-батальон подготовка была ещё слабее [2, с. 46].

Быстрое формирование объединений, соединений и частей привело к массовому выдвиганию комсостава на высшие должности, но его оперативно-тактическая подготовка не отвечала требованиям новых должностей, более сложных и масштабных [39, с. 9].

Одной из причин слабой боевой и оперативной подготовки войск и штабов были низкая дисциплина и слабая требовательность к подчинённым, когда приказы заканчивались наложением взысканий и назначением сроков устранения вскрытых недостатков [39, с. 9] (вместо немедленного или скорейшего их исправления. – В.Ф.).

С разрешения НКО и Генштаба 17–19 июня началось выдвигание в направлении госграницы резервов КОВО – 31-го, 36-го, 37-го, 49-го, 55-го СК и некоторых соединений армий прикрытия. Выдвигание этих войск осуществлялось под видом их передислокации на новую лагерную стоянку, а также в целях усиления войск первого эшелона командование КОВО обратилось к наркому обороны за разрешением на выдвигание из Луцка к госгранице 62-й СД 5-й армии, о переводе 193-й СД (резерв округа) из Коростеня в Повурский лагерь, управления 13-го СК из Самбора в Стрый и 3-й КД из района Жулкева в Изяславль. Нарком обороны санкционировал решение командующего, что значительно приблизило часть войск к госгранице [49, с. 174–175].

20 июня штабом КОВО был получен приказ НКО № 0043 о маскировке аэродромов, расщеплении и маскировке самолётов, в котором нарком приказывал всего лишь доложить ему план этих мероприятий 23 июня [38, док. № 120], но самолёты без маскировки остались расщеплёнными в границах своих аэродромов [13, с. 38].

20 июня командующий 5-й армией генерал-майор М.И. Поталов вызвал командира 1-й противотанковой артбригады (ПТАБ) К.С. Москаленко и передал ему приказ генерала М.П. Кирлоноса (согласно приказу НКО № 0042 от 19 июня 1941 г.) [38, док. № 119] немедленно вывести (к 1 и 15 июля) [там же, док. № 119] всю боевую технику из открытых мест в леса, расщепить и укрыть её от наземного и воздушного наблюдения, т.к. многие части РККА к этому времени закончили устройство образцовых лагерей и парков со всем вытекающим из этого, что намного упрощало противнику наземное и воздушное наблюдение для последующего удара по ним. К.С. Москаленко выполнил этот приказ, а под вечер 21 июня в распоряжение 1-й ПТАБ приехал генерал М.И. Поталов для проверки выполнения приказа о расщеплении и маскировке всей боевой техники и остался доволен. Именно по этой причине утром 22 июня 1-я ПТАБ не была разгромлена авианалётом, хотя противнику было известно место расположения артпарка [29, с. 21–23].

В ЗапОВО с 11 июня с разрешения НКО и Генштаба по решению командующего округом генерала армии Д.Г. Павлова началось выдвигание 2-го (100-я и 161-я СД), 47-го (55-я, 121-я, 143-я СД), 44-го (64-я и 108-я СД), 21-го (17-я, 37-я и 50-я СД) стрелковых корпусов из тыловых районов постоянной дислокации, удалённых на 400–600 км от госграницы (Полоцк, Витебск, Лепель, Смоленск, Могилёв, Бобруйск), в районы, удалённые от неё на 100–300 км (Лида, Барановичи, Минск) ближе к госгранице [4, с. 28].

К примеру, 11 июня 37-я СД 21-го СК выступила, двигаясь частью походным порядком, а остальная часть по ж.д. Походным порядком отправились 247-й СП и 170-й АП (погрузка на ж.д. 91-го и 20-го СП, 245-го ГАП, управления дивизии и остальных частей началась не ранее 18 июня, т.к. не было «по указаниям округа» свободного состава), а 17-я СД 12 июня полностью выступила походным порядком, но без тылов [50, ф. 208, оп. 2511, д. 83 (Оперотдел шта-

ба Западного фронта. История частей и соединений), л. 15] (что ослабило боеготовность этих войск. – В.Ф.).

В этот же день командир 24-й СД (резерв 3-й армии) генерала К.Н. Галицкого вызвал командующий ЗапОВО генерал Д.Г. Павлов и сообщил о том, что во второй половине июня 24-я СД будет переброшена на автомашинах двух автомобильных бригад в район Гродно по маршруту: Молодечно – Вишнев – Лида – Скидель – Гродно [17, с. 24–25].

Что касается ПВО приграничных военных округов перед началом войны, то если погранвойска НКВД и части РККА, расположенные на госгранице с Германией, имели указания не обстреливать немецкие самолёты, нарушающие советскую госграницу, то части НКВМФ СССР не имели таких указаний, и, к примеру, 5 и 18 марта 1941 года зенитчиками военно-морской базы в Либаве (Лиепая) были обстреляны одиночные немецкие самолёты, пытавшиеся пролететь над базой. О чём местные органы НКВД сообщили в свои центральные органы [36, док. № 351].

За период с 27 марта по 19 июня 1941 г. немецкие воздушные разведчики нарушили западную границу СССР 260 раз. В отдельные дни границу перелетало от 5 до 14 самолётов, которые углублялись на советскую территорию до 150 км. Но всё дело было в том, что полёты осуществлялись безнаказанно из-за того, что 10 июня 1940 г. СССР и Германия заключили Конвенцию о порядке урегулирования конфликтов и инцидентов на госгранице, а она была составлена таким образом, что фактически запрещалось советской стороне открывать огонь по немецким самолётам-нарушителям [7, с. 13–14].

17 июня по приказу выступили к госгранице части 29-й МСД 6-го МК ЗапОВО из района Слонима [48], а 18 июня выступила 50-я СД 21-го СК (без тылов и по штатам мирного времени) [50, ф. 208, оп. 2511, д. 83, л. 15–16].

И на территории Западной Белоруссии перед началом войны не все её жители были согласны жить при советском строе (из-за ликвидации частной собственности и полного отсутствия гражданских свобод) [20, с. 267–273].

В Прибалтике 18 июня командующий Прибалтийского Особого военного округа (ПриОВО) генерал-полковник Ф.И. Кузнецов потребовал от командиров всех степеней и командующих армиями резкого повышения боеготовности подчинённых частей и соединений, расщепления самолётов и танков, улучшения управления, т.е. в полной боевой готовности быть готовыми в любую минуту к выполнению любой боевой задачи [21, с. 214].

18 июня собрался ВС 11-й армии ПриОВО, а из Москвы в это время прибыла спецкомиссия, которая проверяла обвинение командира 11-й генерал-лейтенанта В.И. Морозова и члена ВС 11-й армии бригадного комиссара И.В. Зуева в преувеличении военной опасности и создании ненужной напряжённости [6, с. 20–21], и принял решение: 16-му СК в составе 188-й, 5-й и 33-й СД, а также 128-й СД армейского подчинения занять рубеж обороны вдоль госграницы, в непосредственной близости от неё, оставив от каждой дивизии в лагерях в районе Казлу-Руды лишь по одному полку; штаб армии передислоцировать из Каунаса на КП в форт № 6, где развернуть и армейский узел связи; войскам выдать боеприпасы. Покинув лагерь в Казлу-Руде, соединения 11-й армии скрытно заняли оборону вдоль госграницы с Восточной Пруссией протяжённостью около 100 км [там же, с. 22–23].

21 июня генерал Ф.И. Кузнецов прибыл в штаб 3-го МК (в Каунасе) и приказал немедленно под видом следования на полевые учения выводить части корпуса из военных городков в близлежащие леса и приводить их в полную боевую готовность [37, с. 49–50], напомнив, что Сообщение ТАСС от 13 июня [1] было внешнеполитической акцией советского правительства, которая к военным приготовлениям к обороне страны от возможного нападения Германии никакого отношения не имела, но при этом отклонил предложение начштаба 3-го МК полковника П.А. Ротмистрова о подготовке к эвакуации семей командиров и политработников вглубь страны из-за опасности возникновения паники [37, с. 50].

К огромному сожалению, генерал Ф.И. Кузнецов оказался тем среди немногих советских военных, кто понял, что Сообщение ТАСС от 13 июня [1] было внешнеполитической акцией советского правительства.

Вечером 17 июня 48-ю СД 11-го СК 8-й армии ПриБОВО подняли по тревоге и приказали маршем следовать к госгранице [25], но, как и 17-я СД 21-го СК, без тылов.

Также 17 июня по приказу двинулась в западном направлении, двигаясь только по ночам, 23-я СД 11-й армии ПриБОВО [30].

18 июня объявили тревогу и приказали выдвинуться к госгранице частям 84-й МСД 3-го МК [5, с. 5–8], а также частям 126-й СД 11-й армии ПриБОВО [28, с. 6].

21 июня 5-я и 33-я СД 16-го СК 11-й армии были готовы к обороне своих позиций у госграницы [40, с. 5–10], как и 125-я СД 11-го СК и 10-я СД 10-го СК 8-й армии [47, с. 124–125].

Тревожная обстановка у западной границы СССР требовала от советского руководства более решительных мер по приведению войск в боеготовность, т.к. такие приказы, как, к примеру, приказ наркома обороны № 0039 от 18 июня 1941 г. [38, док. № 118], требовавший от командования округов срочно форсировать строительство оперативных аэродромов и закончить его к 1 октября, в котором проглядывало трезвое понимание руководства НКО невозможности раньше завершить начатые работы, если на 1 июня ими были охвачено только 50% утверждённого на год плана, к сожалению, могли только дезориентировать командование округов, оставляя надежду на то, что на подготовку к войне ещё есть время.

План прикрытия (заметим, планы обороны госграницы у войск западных приграничных округов были исключительно оборонительными) [9, с. 143–258] предусматривалось вводить в действие при объявлении мобилизации автоматически, и только распоряжением наркома обороны шифрованной телеграммой: «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 г.». Ввод его в действие не был рассчитан на внезапные действия врага, т.к. принятая система многоступенчатой передачи шифрованной телеграммы таила в себе опасность, что процесс – зашифровка, передача и расшифровка – займёт много времени и до войск не будут своевременно доведены важнейшие распоряжения [2, с. 68–69].

В результате, 22 июня первый эшелон западных приграничных округов с численностью по штату мирного времени встретил противника в таком составе: 66 СД вместо 120 запланированных, 24 ТД вместо 40, 12 МСД вместо 20, и только по КД было соответствие с планом – 6 КД [22, с. 51], т.е. 153 дивизии вермахта первого эшелона против 108 советских дивизий.

Своевременно не проведённый анализ сильных и слабых сторон германского «блицкрига» привёл к тому, что этим пришлось заниматься в ходе неудачно начавшейся Великой Отечественной войны, преодолевая при этом последствия морально-психологического шока большого количества военнослужащих РККА, оказавшихся полностью неготовыми противостоять сильным сторонам вермахта, применившим «блицкриг» (массированные авиаудары, мощные атаки крупных танковых и моторизованных соединений на узких участках советско-германского фронта и т.д.). Именно это и стало главной причиной крайне неудачного для нашей общей Родины развития событий на фронтах в первые недели войны. С огромным сожалением, остаётся констатировать, что полностью нейтрализовать сильные стороны германского «блицкрига» РККА удалось не раньше лета 1943 г. в сражениях на Курской дуге.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. 1941 год – уроки и выводы. – М.: Воениздат, 1992.
2. 1941 год: в 2 кн. Кн. 1. М.: Междунар. Фонд «Демократия», 1998. Подробнее о советской разведке в преддверии войны см.: Федюнин В.В. К вопросу о деятельности советской разведки накануне нападения Германии на СССР. Межвузовский сборник научных трудов // Дискуссионные проблемы зарубежной и отечественной истории. МГУ им. М.А. Шолохова. – М., 2008. С. 204 – 213; и др.
3. Абатуров, В.В. 1941. На Западном направлении. – М.: Яуза, Эксмо, 2007.
4. Аввакумов, Н.В. Первые залпы войны. – Свердловск: Средне-Уральское кн. изд., 1991.
5. Агафонов, В.П. Неман! Неман! Я – Дунай! – М.: Воениздат, 1967.

6. Бабин, А.И. Канун и начало Великой Отечественной войны (к 50-летию). – М.: Знание, 1991. (Новое в жизни, науке, технике. Серия «Защита Отечества», № 1).
7. Быстрова, И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). – М.: ИРИ РАН, 2006.
8. Веремеев, Ю.Г. Красная Армия в начале Второй мировой: Как готовились к войне солдаты и маршалы. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2010.
9. Виниченко, М.В. «Линия Сталина» в бою / М.В. Виниченко, В.А. Рунов – М.: Яуза: Эксмо, 2010.
10. Винокур, Н.А. [Электронный ресурс]: <http://www.iremember.ru>.
11. Вишнёв, О.В. Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. – М.: Наука, 2001.
12. Владимирский, А.В. На киевском направлении. По опыту ведения боевых действий войсками 5-й армии Юго-Западного фронта в июне – сентябре 1941 г. – М.: Воениздат, 1989.
13. Военная история Отечества. С древних времён до наших дней: 3-х т. – М.: Мосгорархив, 1995. – Том 2.
14. Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 – июнь 1941 г. – М.: Междунар. Фонд «Демократия», 2008.
15. Гаврилов, В.А. Операция «Рамзай». Триумф и трагедия Рихарда Зорге / В.А. Гаврилов, Е.А. Горбунов – М.: ОЛМА-ПРЕСС, Красный пролетарий, 2004.
16. Галицкий, К.Н. Годы суровых испытаний. 1941–1944 гг. Записки командарма. – М.: Наука, 1973.
17. Гальдер, Ф. Военный дневник, 1941 год. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск Германии. – Смоленск: Русич, 2006.
18. Гладков, Т.К. Лифт в разведку. «Король нелегалов» Александр Коротков. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
19. Данилов, И.П. Записки западного белоруса: 1937–1945. Политика и война глазами очевидца и участника. – 2-е изд., дораб. и доп. – Мн.: В. Хурсик, 2007.
20. Иринархов, Р.С. Прибалтийский особый... – Мн.: Харвест, 2004.
21. Исаев, А.В. Антисуворов. – М.: Яуза, Эксмо, 2005.
22. Исаев, А.В. Георгий Жуков. Последний довод короля. – М.: Яуза, Эксмо, 2006.
23. Киршин, Ю.Я. Великая победа: благодаря или вопреки сталинизму? (Уроки для демократической России). – 2006.
24. Лазебник, Р.Е. [Электронный ресурс]: <http://www.iremember.ru>.
25. Лота, В. «Альта» против «Барбароссы». – М.: Молодая гвардия, 2005.
26. Маккензи, У. Секретная история УСО: Управление специальных операций в 1940–1945 гг. / Пер. В.Ф. Мисюченко. – М.: АСТ, Транзиткнига, 2004.
27. Мацапура, С.С. Товарищ сержант. – М.: Воениздат, 1976.
28. Москаленко, К.С. На юго-западном направлении. Книга 1. – 3-е изд. – М.: Воениздат, 1979.
29. Новожилов, И.В. Год рождения 1921. – М.: Механико-математический факультет МГУ, 2004. <http://www.militera.lib.ru>.
30. Овещкий, Б.М. [Электронный ресурс]: <http://www.iremember.ru>.
31. Органы госбезопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. – Том I. «Накануне». Книга вторая (1 января – 21 июня 1941 г.). – М., 1995.
32. Органы госбезопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том II. «Начало». Книга первая (22 июня – 31 августа 1941 года). – М.: Русь, 2000.
33. Отношения России (СССР) с Югославией 1941 – 1945 гг.: документы и материалы. – М.: Терра – Книжный клуб, 1998.
34. Паджев, М.Г. Через всю войну. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1976.
35. Пограничные войска СССР. 1939 – июнь 1941. Сборник документов и материалов. – М.: Наука, 1970.
36. Ротмистров, П.А. Стальная гвардия. – М.: Воениздат, 1984.
37. Русский архив: Великая Отечественная. Приказы НКО СССР 1937 – 21.6.1941 г. Т. 13 (2 – 1). – М.: Терра, 1994.

38. Русский архив: Великая Отечественная: – Т. 12 (1). Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. – М.: Терра, 1993.
39. Севастьянов, П.В. «Неман – Волга – Дунай». – М.: Воениздат, 1961.
40. Симонов, Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. – М.: РОССПЭН, 1996.
41. Смыслов, О.С. Окопная правда войны. – М.: Вече, 2008.
42. Судоплатов, П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
43. Судоплатов, П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930 – 1950 годы. – М.: ОЛМА-ПРЕСС. 1998.
44. Тайна Зои Воскресенской: З. Воскресенская. Теперь я могу сказать правду. Э. Шарапов. Две жизни. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998.
45. Типпельскирх К. История Второй мировой войны: в 2-х томах. – СПб.: Полигон, 1994. – Т. 1.
46. Федин, В.Т. Западный фронт в начале войны. Poleмика ветерана войны с историками и публицистами. – М.: Советский писатель, 2007.
47. Халилов, Н.К. [Электронный ресурс]: <http://www.iremember.ru>.
48. Хорьков, А.Г. Грозовой июнь: Трагедия и подвиг войск приграничных военных округов в начальном периоде Великой отечественной войны. – М., 1991.
49. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ).

Материал поступил в редакцию 12.04.12

FEDIUNIN V.V. 1941 year: measures of soviet government, Narkomata of defensive and general Staff on strengthening of defensive capacity of RKKA

On the base of entered in the scientific turn of the documents of CAMO of Russian FEDERATION declassified at the end of 2000, recently published documents of Narof komata defensive (NKO), and also remembrances of participants of Great Patriotic war, which now are not exposed to censorship, et cetera, the analysis of predvoennykh measures of soviet government, NKO and general Staff, is given on strengthening of defensive capacity of RKKA. It is done it was quite a bit, but the amount of miscalculations appeared very enormous. Soviet secret service went hunting for by the date of attack of Germany on the USSR, missing out possibility of analysis of strengths and weaknesses of German "blitzkriга". A main defect was not corrected in podgotovke of troops – digging up theories and practices from trebovaniy of modern war et cetera. As a result of numerous miscalculations of soviet military-political guidance plenty of servicemen of RKKA appeared himtovymi (and not only morally-psychologically) to resist to strong parties of vermakhta, applying the "blitzof krig".

УДК 001.895:620.2

Хутова Е.Н., Гарчук И.М.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СИСТЕМЕ «ПОТРЕБНОСТЬ – ИННОВАЦИЯ – РЫНОК»

Инновация (англ. *innovation*) – это внедренное новшество, обеспечивающее качественный рост эффективности процессов или продукции, востребованное рынком.

Инновациями являются создаваемые, осваиваемые технологии, продукция или услуги, отличающие новизной, а также управленческие, маркетинговые, организационно-технические решения, направленные на достижение наилучших результатов функционирования [1].

Новизна инноваций оценивается по технологическим параметрам, достигнутым за счет внедрения НИОКР, а также с рыночных позиций за счет нового позиционирования товара. Однако не следует забывать о растущих потребностях, изменчивости предпочтений потребителей и развитии их требований к качественным характеристикам товара, причем восприимчивость различных потребительских групп и социальных классов потребителей к появлению товаров-новинок на рынке будет неоднозначна.

В мировой практике исследования инноваций предложен ряд классификаций, выделяющих однородные группы инноваций с учетом классификационных признаков. Для исследования взаимодействия «потребность-инновация-рынок» следует рассмотреть одну из групп инноваций - продуктовые инновации, которые наряду с процессными составляют технологические инновации промышленной сферы. Продуктовые инновации включают применение новых материалов, новых полуфабрикатов и комплектующих; получение принципиально новых или улучшенных продуктов. Процессные – означают новые методы организации производства, могут быть связаны с созданием новых организационных структур в составе предприятия [2].

Продуктовая инновация – это экономическая категория, характеризующаяся, с одной стороны, совокупностью свойств и характеристик, направленных на удовлетворение потребностей, а с другой – отличающаяся новизной с точки зрения производства, упаковки,

торговой марки, цены или выхода на рынок.

Общими отличительными признаками продуктовой инновации, как товара, по мнению авторов, являются:

- материальная основа, т.е. это так же как и традиционный товар – продукт, созданный в результате труда, когда исходные предметы труда (сырье, материалы) с помощью средств труда (машины, инструменты) превращаются в продукт производства;
- качественные характеристики, т.е. как продукт инновация обладает потребительной ценностью, которая складывается из групповых или индивидуальных свойств товара в соответствии с присущими ему функциями;
- новизна, т.е. более высокий уровень технического совершенства и, соответственно, качества и конкурентоспособности, чем традиционный товар;
- способность удовлетворить предполагаемые, как правило, более совершенные потребности и за счет этого обеспечить наилучший эффект от потребления или эксплуатации;
- объект купли-продажи, так как целью создания инновационного продукта является продвижение на продуктовый рынок и доведение товара от разработчика до конечного потребителя.

Продуктовые инновации создаются с целью удовлетворения как личных, так и общественных потребностей, поэтому следует различать продуктовые потребительские инновации и продуктовые промышленные инновации.

Продуктовая потребительская инновация – это новое изделие с улучшенными или принципиально новыми потребительскими свойствами, созданное на основе научных исследований, опытно-конструкторских и проектных работ, призванное удовлетворить индивидуальные потребности конкретных групп потребителей, зави-

Хутова Елена Николаевна, доцент кафедры мировой экономики, маркетинга, инвестиций Брестского государственного технического университета.

Гарчук Инна Максимовна, зам. декана факультета заочного обучения, старший преподаватель кафедры мировой экономики, маркетинга, инвестиций Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.